

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Роман
ИЛЬЯСОВ

ГЛАВА 9. ВСТРЕЧА.

Окончание.
Начало - в № 494.

Пристально глядя в глаза Якову, Михаил добавил: «Ответ на этот вопрос обязан быть за протоколом». Отказ отвечать на этот вопрос у нас обычно расценивается как скрытие своих вражеских взглядов по отношению к социалистической системе, и таких людей мы обычно относим к разряду потенциальных или скрытых врагов народа». «Все сходится, - подумал Яков. - Моя догадка подтверждается его неофициальным предупреждением, сделанным вполголоса, почти шепотом. Он хочет мне помочь. ПОМОЧЬ... ПОМОЧЬ... - эхом отдалось в мыслях Якова. Эти слова почему-то мешали Якову продолжать мыслить, словно были уже запрограммированы в его памяти и сейчас принуждали его сосредоточиться именно на них. Внутреннее чутье и сейчас не подвело Якова. Сосредоточившись, он извлек из своей памяти слова, сказанные во сне: "Здесь, в этом месте, две души найдут друг друга и ПОМОГУТ другу другу". «Не может быть...» - сроднившись, подумал Яков.

Он внимательно всмотрелся в глаза Михаила, желая прочитать по ним, что происходит у него на душе, и продолжал рассуждать: «Хотя Михаил старается держаться так, как будто ничего с ним не произошло, однако весь его внешний вид выдает его, а глаза - отражают всю его душу, и я чувствую некую колеблющую энергию, исходящую из его души, которая находится в состоянии перевоплощения. И под какой бы маской он ни старался скрыться, моя интуиция, мои психологические знания и мой природный дар видеть и чувствовать, что творится в душе человека, выявляют эту энергию, обнажая тайны перевоплощения его души.

Если это так, тогда вполне вероятно, что Михаил и есть тот самый человек, о котором было сказано в моем видении. Если это так, то он не только желает помочь мне, но и нуждается в помощи сам. Если это так, то вчера или сегодня перед ним открылась тайна прошлого. Если я раздам, какая тайна перед ним открылась, то буду в силах помочь ему».

«Вы правы, - ответил Яков Михаилу. - Этот вопрос очень серьезный и требует времени, чтобы разобратся в своих взглядах. Можно мне ответить на этот вопрос в следующий раз?» «Да, мы можем продолжить нашу беседу завтра», - ответил Михаил, складывая свои бумаги в папку.

Он уже собрался вызвать охрану, но Яков неожиданно заговорил: «Гражданин следователь. Как подсудственный, я, конечно, не имею права задавать вам во-

РАВВИН ИЗ КОКАНДА

просы, касающиеся лично вас, но, если вы позволите, я бы хотел что-то спросить». «Спрашивайте», - непринужденно ответил Михаил. «Одна из моих любимых наук - психология. Когда-то сам для себя создал такие таблицы, которые подразделяют разные категории людей по общим наклонностям, характеру, признакам и еще разными другим характеристикам. И скажу вам, что, как-то проанализировав свои таблицы, я пришел к выводу, что огромное влияние на формирование человеческой личности, его поведения, его наклонностей и его характера оказывает его прошлое. Я встретился с вами уже несколько раз и заметил, что вы человек, имеющий много положительных качеств, человек благородный, честный и смелый, принимающий неординарные решения. То есть вы относитесь к редкой категории людей. И я не сомневаюсь, что именно ваше прошлое сделало вас таким. Можете ли вы удовлетворить мое любопытство и невозможно рассказать о своем прошлом?»

- «Я вполне согласен с вашим мнением о том, что прошлое влияет на формирование характера и влияет на будущее, - заявил Михаил. - Мое прошлое - это мое детство и мои студенческие годы. Мое детство действительно было несколько отличным от детства большинства тем, что я провел его в детдоме. Ну, а потом много необычного - учеба в институте. А после учебы сразу был направлен сюда». «Детство в детдоме - это печально, - сочувственно сказал Яков. - А в каком городе вы родились, кто были ваши родители, когда и почему вас определили в детдом?»

«К сожалению, я не помню свою жизнь до детдома, - ответил Михаил. Когда 15 лет тому назад меня доставили в Кокандский детдом, я потерял память и не мог вспомнить, откуда я и кто были мои родители, которых я потерял». «Но потом, после того как вас доставили в детдом или позже, было ли выяснено кто ваши родители?» - спросил Яков. «Нет, к сожалению, - ответил Михаил. «А свое имя и фамилию вы так никогда и не смогли вспомнить?» - «Нет, ничего не вспомнил. Мне дали новое имя и фамилию в детдоме».

«Пятнадцать лет назад... так значит, в 1922 году, - задумчиво прозвонил Яков и внезапно, вытаращив глаза, схватился за свою голову. - О-е-й, ах ты, боже мой, о-е-е-й! Вам было в 1922 году 9 лет, так?» «Да, - ответил Михаил, пораженный эмоциями Якова. - Я выглядел тогда примерно, как девятилетний мальчик. Так в моих документах и записали, что я 1913 года рождения». «О-е-е-й, о-е-е-й, - снова взволнованно запричитал Яков, схватившись за свою грудь.

Михаил удивленно глядел на Якова, и никак не мог понять, чем Яков так поражен. Наконец Яков стал объясняться: «Какое совпадение! А я как раз в 1922 году искал 9-летнего мальчика - сына моего друга. Обошел все мест-

ные городские и сельские милицйские участки, детские дома, даже ездил на ближайшие железнодорожные станции и спрашивал везде, кто знает что-нибудь о потеряном мальчике 9-ти лет. Но никто ничего не видел, и не знал, или не помнил. К сожалению, друзья и знакомые моего друга тоже поздно сообщили мне, что он с сыном выехали из Москвы в Коканд, сообщили через три месяца после их исчезновения.

Рассказывая эту историю, Яков обратил внимание, что Михаил, слушая его, заметно меняется на глазах. Лицо его стало мертвецки бледным, глаза все ярче и ярче наливались краснотой и заполнились влагой. Яков остановился, когда из дрожащих рук Михаила выпала ручка. «Как звали вашего друга?» - глухим, хриплым голосом спросил Михаил. «Рафаэль. Рафаэль Коганский. Он был раввином в Москве».

Яков, не успев договорить, вскочил со стула и бросился в сторону Михаила со словами: «Что с вами, гражданин следователь? Вам плохо?» Торопливо расстегивая верхнюю пуговицу гимнастерки, он испуганно повторял: «Что с вами, что с вами, что с вами?» Михаил дрожал, захлебываясь в дыхании. Он терял сознание, глаза его слегка закатились, подбородок беспомощно отвис. Яков поддерживая непослушное, обмякшее тело Михаила левой рукой, схватил лежащее на столе бумажки, и, озираясь вокруг, стал обмахивать ими лицо Михаила. «Что делать? Вызвать охрану на помощь, или же...»

Взгляд Якова упал на графин с водой, стоящий на соседнем столике в углу. Он прислонил Михаила к спинке стула и подбежал к графину с водой. Схватив графин со стаканом, снова подбежал к Михаилу, плеснул на свою ладонь воды и брызнул ее в лицо следователя. Он брызгал несколько раз, пока Михаил не стал приходить в себя. Яков наполнил стакан водой, приложил его к поблизким губам Михаила и стал небольшими порциями вливать воду в его рот, приговаривая: «Вот так, вот так, все уже хорошо, все уже хорошо, пейте гражданин начальник. Это вам поможет».

После трех-четырех глотков Михаил стал постепенно приходить в себя. «Вам лучше?» - спросил Яков, поддерживая его за запяток. - Вызвать охранников, чтобы пригласили доктора?» Михаил отрицательно покачал головой. Яков почувствовал рукою, как по всему телу Михаила, начиная от затылка, пробегала мелкая дрожь. Он видел, как Михаил сконцентрировал все свои внутренние силы и волю и, вцепившись руками за край стола, старался перебороть нервный припадок. Заметив, что наконец бледность стала сходить с лица Михаила, Яков всунул в руку Михаила стакан с водой и поспешил сесть на свой табурет напротив. Михаил осушил стакан, достал носовой платок из гимнастерки, протер влагу со лба и лица, сде-

лав глубокий вдох и выдох, сказал слабым дребезжащим голосом: «Спасибо вам за помощь». «Не стоит благодарить, - ответил Яков и озабоченно добавил: - Вам срочно нужно на воздух».

Нет, ничего, - ответил Михаил, стараясь встать со стула. Колени не слушались, едва разгибаясь, ноги подкашивались. Облокотившись на край стола, он поднялся и сказал: «Извините, Яков, за доставленные вам непредвиденные хлопоты. Мне просто вспомнилось кое-что из моего прошлого. Да, к тому же, сказала вчерашняя бессонная ночь.

Яков интуитивно ощутил, что Михаил что-то недоговаривает ему из своего прошлого. «Ну, значит, еще время, - подумал он. - Лезть в душу с расспросами, когда он в таком состоянии, нехорошо». Михаил взял графин со стаканом и слегка покачавшись, направился к столу, в угол комнаты, добавив по дороге: «Но я бы хотел продолжить с вами беседу о вашем друге». «Может, лучше продолжить в следующий раз? - тихо и неуверенно произнес Яков. - Вам надо отдохнуть и выпастся, иначе, не дай бог, опять такое повторится».

«Нет, нет, ничего. Спасибо за беспокойство, но я чувствую, что это больше не повторится, - уверенно ответил Михаил, усаживаясь за стол. - Где и когда вы познакомились с вашим другом Рафаэлем Каганским?» «В 1917 году главный раввин Коканда, светлая память духу его, предложил мне выехать в Москву. Его старые московские друзья пригласили его приехать на религиозное совещание. А заодно он попросил меня доставить откуда-нибудь новую изданную религиозную литературу и молитвенники... Там на конференции я и познакомился с этим талантливым, ярким человеком. А потом встречался с ним еще несколько раз у общих друзей, и даже пару раз гостил у него дома. Он был прекрасным собеседником и величайшим интеллектуалом, каких я больше никогда не встречал.

Мы обычно начинали нашу беседу после молитвы, с вечера, и она длилась до самого утра. Этот человек имел глубокий, широкий и прогрессивный взгляд абсолютно на все. Казалось, не было таких тем, которые он бы не знал или знал недостаточно. Это был человек с высокими и многочисленными идеями. Я вам скажу больше: даже та ничтожная доля из неисчерпаемых идей, в которую он меня успел посвящать за несколько встреч, дала мне огромный толчок для последующей деятельности и заставила меня задуматься по многим вопросам жизни нашего глупца, а в некоторых случаях думать совершенно по-новому».

Да, 20 лет назад он и я, одновременно, были так молоды! И у нас было столько заманчивых идей! Вплоть до 1922 года мы с ним постоянно переписывались. В последних письмах он писал, что планирует вскоре выехать из Москвы, но еще не решил, куда ему перебраться. Причину столь по-

спешного решения, по его словам, в письме изложить не может.

Я предложил ему перебраться в Коканд. Он написал, что подумает. Сообщил, что у него очень много приглашений от друзей из разных других городов, и спросил, мог ли бы он продолжать свою религиозную деятельность в Коканде. Я рассказал об этой переписке раввинам и некоторым членам нашей еврейской общины, и они сказали мне, что мечтали бы иметь в своих рядах таких прекрасных религиозных деятелей, каким являлся мой друг. Обещали помочь ему с жильем и привлечь его на общественную работу, если он решит перебраться в Коканд.

Я написал ему об этом. Он ответил, что, вероятнее всего, переедет именно в Коканд, и очень скоро. И запретил мне впредь писать на свой адрес письма в связи с тем, что за последнее время были арестованы несколько его знакомых, которые оказались членами нелегальных союзов, и теперь ему кажется, что за ним тоже следят.

Это было последнее его письмо. Оно было без обратного адреса, и его передал мне с рук на руки человек из самаркандской общины, который, возвращаясь из Москвы, специально заехал в Коканд, чтобы передать это письмо.

Ну, а потом, три с половиной месяца спустя, я получил известие от знакомого раввина из Бухары. Он встречался в Москве с раввинами, и они спрашивали о судьбе Рафаэля Коганского, который три месяца назад переехал в Коканд со своим 9-летним сыном Иосифом.

Я начал поиски. Один из знакомых железнодорожников сообщил, что три месяца назад был такой случай: нашли труп мужчины, лежащего неподвижно от железнодорожного полотна в 30 километрах от Коканда. Он помог мне найти вагоновожатого того вагона, с которого этот человек был сброшен грабителями. По описанным приметам, это был мой друг. Он также сообщил, что мальчик оставался в вагоне до прибытия в Коканд. В Коканде, пока этот вагоновожатый общался с мальчиком дежурному вокзала, тот словно испарился. К кому бы я ни обращался с вопросом, куда делось тело моего друга, ответ был один: «Ничего не знаем, никогда не слышали, нам об этом ничего неизвестно».

В милиции я написал заявление с просьбой о всеосозном розыске мальчика по имени Иосиф Коганский с приметами, которые мне сообщил раввин из Москвы. Начальником милиции был мой бывший сосед-узбек, которого я знал еще с детства. Но поиск, как он сообщил мне позже, оказался безрезультатным. И вообще, он грубо предупредил, чтобы я их больше зря не беспокоил по этому вопросу, иначе они займутся моей личностью - и тогда мне несдобровать: я обязательно сяду за решетку за то, что не работаю на государство и непонятно какими путями зарабатываю деньги на жизнь. Вот такая неприятная история, гражданин следователь, приключилась с моим другом и его сыном».

Яков внимательно смотрел на Михаила. А Михаил устался в стол, что-то раздумывая. Но хотя Яков не видел глаз Михаила, он почувствовал, что в душе этого человека происходит какая-то внутренняя борьба. И вдруг, Якову бросилось в глаза то, чему он раньше не придавал значение. Лоб, брови, уши, нос, подбородок и скулы Михаила исключительно напоминали черты его друга Рафаэля. «О боже, - подумал, затаив дыхание, Яков, - неужели Михаил и есть его сын Иосиф?! Похоже, что так. О бедный, несчастный мальчик, осиротевший и перенесший невыносимое горе! Как мне сказать ему об этом, и должен ли я сделать это сейчас? Ведь я вижу, в каком смятении находится сейчас его душа. Нет. Сейчас этого делать нельзя, будет правильнее...»

Мысли Якова были прерваны, когда Михаил поднял голову и посмотрел прямо ему в глаза. «Ах, боже, а эти глаза – простой, чистый и мудрый взор! Он же вылитый Рафаэль!». У Якова сперло дыхание, и он не заметил, как на его глазах выступили слезы.

Михаил медленно поднялся со стула, подошел поближе к Якову и, остановившись, сказал: «Ну, здравствуйте, дорогой Яков!» Опешивший от неожиданности, Яков поднялся со стула и устался на Михаила, все еще не веря услышанному. Михаил распротер свои руки и продолжал: «Вот и причалила заплутавшаяся лодка через 15 лет к своему берегу, но только без своего капитана – моего отца Рафаэля Коганского». «О боже, Иосиф, мальчик мой, - захлебываясь в собственных слезах и задыхаясь, еле выдавил из себя Яков. С распротертыми руками он бросился к Иосифу, и они обняли друг друга – Иосиф Якова как собственного отца, а Яков Иосифа как собственного сына.

Так они долго стояли, крепко обнявшись, и беззвучно рыдали от счастья и от сознания, что, наконец, господь соединил их судьбы. Сильно и учащенно бились их сердца. Казалось, от биения сердец содрогались не только они сами, но и вся комната. Оглушенный этими ударами, Иосиф закрыл глаза, и ему представилось, что посреди этой содрогавшейся комнаты находится какая-то невидимая дверь, в которую во тьме колотятся с обеих сторон два мученика, стремящиеся найти друг друга, чтобы, воссоединившись, помочь друг другу выбраться на свет. Он больше не мог сдерживать себя и стал рыдать, но негромко, чтобы не было слышно за дверью.

Яков почувствовал изредка пробегающую по всему телу и рукам Иосифа мелкую дрожь. Он заглушил в себе боль радости и рыдания и, не разжимая объятий, успокаивающе похлопал по спине Иосифа. Произнес с отцовской любовью: «Ничего, Иосиф, сынок. Теперь всё будет хорошо. Тебе господь возвратил твою память – это значит, он возвратил тебе твою жизнь. Не убивайся сынок. На все – воля Божья. Это было предусмотрено судьбою – встретиться нам через 15 выстрадавших лет. Испытание, которое мы с тобой достойно прошли, было уготовлено Им 15 лет тому назад, для того чтобы подвести нас с тобой именно к той точке, откуда мы сможем начать осуществление нашей главной миссии, сможем начать тот путь, который Он нам укажет. С Его помощью я помогу тебе найти себя – укажу тебе путь, который для тебя уготовлен.

*Окончание газетной
(сокращенной)
версии романа.*